

Основные проблемы взаимной обусловленности связей национального человеческого капитала, оборонно-промышленного комплекса и воздушно-космической обороны

Д.О. Салюков

В статье дается обзор и аргументируется важность системы, состоящей из таких широких и ключевых для государства понятий, как национальный человеческий капитал (НЧК), оборонно-промышленный комплекс (ОПК) и воздушно-космическая оборона (ВКО). Анализируется взаимосвязь элементов этой системы и их безусловная необходимость для современного государства как обязательных атрибутов безопасности страны в современном мире. На примере России рассматриваются проблемы системы и влияние на нее «мягкой силы».

Изменения, которые происходят в мире, беспрецедентны по своим масштабам и приведут к новой расстановке сил¹.

С. Лавров,
министр иностранных дел РФ

В современной мировой науке и политической практике выход человеческого капитала на авансцену мирового развития как решающего фактора влияния на судьбы человечества получил уже статус постулата. Если быть предельно лаконичным, то можно утверждать, что от развитости и качества национального человеческого капитала (НЧК) в конечном счете зависят:

– способность государства и нации противодействовать невоенному (экономическому, политическому, информационному, культурному) на-

силию, то есть невоенным факторам воздействия. Прежде всего, речь идет о возможностях противодействия «мягкой силе» в международных делах;

– темпы и качество экономического развития, уровень науки и технологий, структура экспорта и импорта, качество финансовой системы и т.д.;

– качество государственного и общественно-политического управления, эффективность государственных институтов, включая точность, своевременность принятия и выполнения решений (в том числе в военно-политической и военно-тех-

Салюков Дмитрий Олегович – начальник отдела научных проектов Управления научной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Воздушно-космическая оборона

нической областях), уровень доверия в обществе и масштабы коррупции;

– конкурентоспособность промышленности, прежде всего обрабатывающей, качество вооружений и военной техники (ВВТ) и способность своевременно и в соответствии с требованиями руководства проводить НИОКР и внедрять их в производство;

– качество руководства и личного состава Вооруженных сил РФ, его боеспособность и эффективность т.д.

НЧК и модернизация

От состояния НЧК зависит модернизация страны на современном этапе, имея в виду сложность информационного сетевого общества и его научную экономику. Можно утверждать, что в процессе национальной модернизации ключевая роль принадлежит двум важнейшим факторам:

– опережающему развитию человеческого капитала, измеряемому как количественно (демографически), так и качественно (индекс развития человеческого капитала)²;

– созданию и развитию государственных и общественных институтов НЧК, которые способны эффективно реализовывать национальный человеческий капитал³.

Важно подчеркнуть, что взаимосвязь между НЧК и обеспечением безопасности страны, ее суверенитета и способностью в обороне – не только прямая, но и самая важная. Логика взаимосвязи НЧК–ОПК–ВКО состоит в том, что ставка на военную силу в политике в любой ее форме неизбежно означает упор на военное превосходство, которое в XXI в. определяется не столько количеством ВВТ и личного состава, сколько качеством ВВТ и военнослужащих, а также лиц, принимающих военно-политические решения. В конечном счете именно качество НЧК в науке, промышленности и в вооруженных силах становится главным условием реализации силовой политики.

В настоящее время конфигурация сил в мире предопределяется соотношением (и количественным, и качественным) сил в области наступательных авиационно-космических и оборонительных ВВТ. Прежде всего, такое соотношение зависит от НЧК, сосредоточенных в соответствующих вооружениях и людях, управляющих ими. Отсюда – исключительная важность роли НЧК в ОПК. Неслучайно в январе 2013 г., отвечая на вопросы журнала *Europews*, 36. Бжезинский заметил: «Вы назвали Китай, Индию и Россию развивающимися странами. Если взглянуть повнимательнее, только одна из них развивается, две другие – нет. Одна борется с ностальгией по прошлому, у другой несколько преувеличенное мнение на свой счет, с учетом общей социально-экономической ситуации при большом потенциале и многообещающих перспективах. Страна, которая развивается – это Китай. И, конечно же, мы должны к нему внимательно присматриваться»⁴.

НЧК и ОПК

В третий президентский срок В.В. Путина роль оборонно-промышленного комплекса в российской экономике и внутренней политике стала приобретать очертания главной магистрали. Очевидно, что ставка на развитие оборонки видится В.В. Путину как способ модернизации всего промышленного потенциала России. Вполне возможно, что его предвыборное обещание «20 триллионов до 20-го года в ОПК» не будет выполнено, но уже сейчас реально в бюджете РФ растут оборонные расходы. По данным Минфина, бюджет по статье «Национальная оборона» в 2013 г. вырос на 25,8% по сравнению с предыдущим годом. Согласно докладу Стокгольмского международного института исследований проблем мира, уже в 2011 г. Россия вышла на третье место в мире по военным расходам и программам перевооружения. Российский военный бюджет в этом году составил 71,9 млрд долл., опередив британский (62,7 млрд долл.) и французский (62,5 млрд долл.), но в 10 раз уступив американскому и в 2 раза – китайскому⁵.

Возвращение России в тройку лидеров по расходам на оборону свидетельствует о том, что Российская армия и ОПК уже в ближайшие годы смогут реализовать самые значительные со времен распада СССР программы перевооружения. А это значит, что высококвалифицированные кадры сотен предприятий в сфере ОПК и в смежных отраслях, обновив промышленное оборудование, возглавят отечественную модернизацию. Причем здесь сохраняется полноценная возможность государственного контроля над инновационными процессами при одновременном доступе частного бизнеса в целый ряд сфер на стыке военного и гражданского производства. Кроме того, ОПК как отрасль наиболее технологична и по ряду направлений «тянет» за собой всю экономику. Наконец, ОПК, рождающий перспективный бизнес вооружений, одновременно способствует расширению круга союзников страны, что особенно важно для упрочения международных позиций России.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) между странами, как известно, предполагает не только куплю-продажу ВВТ, но и сервисное обслуживание, подготовку кадров и наличие высокого уровня политического доверия между странами. Все эти области НЧК, где пока что Россия находится более в выгодном, чем США, Китай и другие страны положении, в силу исторических и культурных связей, языка и истории ВТС в последнее столетие. Этот аспект ВТС нельзя недооценивать при создании Евразийской ВКО (ЕвразВКО) потому, что, по сути, он является одной из эффективных форм «мягкой силы» России на всем континенте. Причем не только по отношению к государствам-членам СНГ и ОДКБ, но и другим странам. Сегодня, например, ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» реализует ВТС с более чем 50 странами.

Отдельная тема – возможность сотрудничества по проблеме Евразийской ВКО в Евразии и АТР,

где, с одной стороны, приходится говорить о слабости, даже утере позиций России, а с другой – о появившихся новых потенциальных возможностях. Редко говорят о том, что в основе многих глобальных процессов, например региональной интеграции, лежат военно-политические представления правящих элит о необходимой системе безопасности. Успех европейской интеграции объясняется не только и не столько экономической выгодой, сколько соображениями европейских государств о необходимости создания системы обеспечения европейской безопасности.

Понятно, что в век высокоточного оружия и систем ВКО безопасность обеспечивается, прежде всего, наличием этих средств. Но важно понимать и то, что еще эффективнее, когда эти системы создаются в рамках какой-то военно-политической коалиции. Что сегодня – приходится признать – является безусловным приоритетом США и их союзников по НАТО. Когда государства не могут (как Китай, Индия) самостоятельно создавать современные средства воздушно-космического нападения и защиты, то они вынуждены его покупать. Это относится к большинству государств, которые поставлены перед выбором приобретения таких средств у ограниченного числа государств – США, России, Франции, Германии, Израиля. Причем в комплексе средств противоракетной обороны (ПРО) – противовоздушной обороны (ПВО) такие услуги могут обеспечить сегодня только США и Россия. Даже быстрое развитие Китая, Кореи и Японии пока что не позволяет отнести их к числу государств-лидеров в этой области.

НЧК, ОПК и ВКО

Что касается ВКО России, то в связи с появлением новых поколений стратегических видов конвенционального и ядерного высокоточного оружия она становится сердцевинной всей системы безопасности страны. В этой связи можно констатировать, что основные проблемы ВКО во многом являются производными от более общих национальных проблем развития человеческого капитала и национальной модернизации. Эта зависимость – решающая. Она хорошо видна на примере формирования Военной доктрины страны, которая является продуктом размышлений, оценок и деятельности всей правящей элиты страны, а не только той ее части, которая принадлежит к Вооруженным силам России. Соответственно и концепция ВКО как производная от Военной доктрины по существу становится продуктом деятельности всей правящей элиты.

Концептуальные проблемы ВКО, таким образом, вытекают из нерешенности основополагающих национальных проблем, то есть того «доктринального вакуума», который образовался в этой сфере в конце 80-х гг. XX в. и до конца не преодолен по сегодняшний день. Действительно, прежде чем отвечать, какой НЧК, ВКО нам нужен и какие в связи с этим стоят проблемы, необходимо ответить на следующие вопросы:

– ВКО охватывает всю территорию страны и территории стран союзников, либо отдельные районы страны?

– ВКО обеспечивает безопасность союзников либо интегрируются системы ПВО СНГ?

– ВКО объединяет все системы ВВТ, ПРО, ПВО, космическую оборону (КО) и т.д. либо только их часть?

– ВКО с пространственной точки зрения отвечает за все высоты от 2 м до 300 км либо только за часть этих высот?

– Система управления ВКО интегрирована с точки зрения управления с системой управления стратегическими ядерными силами (СЯС)?

– Какие задачи в связи с этим стоят перед ОПК?

Вполне очевидно, что для ответов на эти вопросы, как и на дальнейшее реформирование ВКО, потребуется определенное время, хотя, как известно, трудно выбрать оптимальный путь движения, не имея четко сформулированной цели. Вот почему представляется, что ответ на доктринальные, общенациональные вопросы должны быть получены в максимально короткие сроки. От них в конечном счете зависит осознанность и эффективность движения.

Проблема первая. Опережающее развитие фундаментальной науки, НИОКР, культуры и образования. Совершенно необходимо отказаться от неверной концепции модернизации, основанной на заимствовании внешних технологий и признать банальную истину, которая стала бесспорной еще с начала 90-х гг. XX в., когда ООН признала в качестве ведущего фактора развития человеческий капитал. В условиях России этот приоритет дополняется национальной спецификой – геополитическими реалиями Евразии, территорией, запасами природных ресурсов, историей, духовным и культурным наследием нации. Эти факторы можно и нужно максимально использовать в качестве конкурентных преимуществ. И прежде всего образование, культуру и науку, которые в XXI в. будут определять уровень национального технологического развития и безопасности.

В последние десятилетия предпринимаются определенные усилия для исправления ситуации в научной области. Так, по оценке В.В. Путина, с 2002 по 2012 г. финансирование науки выросло с 31 млрд рублей до 328 млрд, то есть более чем в 10 раз. Рост, безусловно, впечатляющий. Но рациональнее было бы сравнивать необходимые для отечественной науки инвестиции не с уровнем 2002 г., а соотносить их с растущими темпами инвестиций в науку в ведущих странах современного мира⁶. В частности, академик Е.М. Примаков в этой связи приводит следующие данные: государственные и частные расходы на науку в США в расчете на одного исследователя составляли в 2010 г. 293 тыс. долл., в Японии – 264 тыс. долл., в Китае – 74 тыс. долл., в России – 39 тыс. долл. Примерно такая же безрадостная сравнительная картина возникает, если обратиться к инвестициям

■ Воздушно-космическая оборона

в образование. В расчете на душу населения США в 2010 г. тратили в этой сфере 3,6 тыс. долл., Япония – 1,5 тыс. долл., Бразилия – 550 долл., Россия – 400 долл.⁷.

Проблема вторая. Опережающее развитие обрабатывающих отраслей и внедрение новых технологий.

Разговоры об изменении структуры экономики страны в пользу обрабатывающих отраслей уже ведутся несколько лет, но остаются пока что только разговорами. Ни политические действия, ни экономические, ни финансовые шаги в реальности не предприняты, хотя, надо признать, на уровне деклараций приоритеты обозначены вполне конкретно. Другое дело, что очевидно отсутствие практического результата. Давно уже пора сконцентрироваться на реализации этих планов и на создании эффективных механизмов как в финансово-кредитной политике, так и на изменении реальных экономических пропорций в пользу наукоемких отраслей.

По большому счету, развитие ВКО является производным от возможностей всего ОПК и обрабатывающих, прежде всего высокотехнологических, отраслей промышленности, развитие которых, в свою очередь, предопределяется уровнем и темпами развития НЧК. «Вырвать» ОПК из этой взаимосвязи невозможно. Тем более невозможно успешно развивать отдельные отрасли, в том числе создающие ВВТ для ВКО. Сегодня же ситуация такова, что темпы развития НЧК в стране характеризуются стагнацией, что, естественно, негативно отражается на всех наукоемких отраслях промышленности⁸. При примерно 3% мирового ВВП России принадлежат только 0,3% в производстве наукоемкой продукции.

Проблема третья: эффективность и согласованность принимаемых военно-политических решений.

В области военной политики, стратегии и военного строительства, как может быть нигде еще, огромное значение имеет качество принимаемых специальных решений. Трудность в том, что для этого требуются специальные знания «на стыке» политики, международных отношений, экономики, военного искусства и военной техники. Причем недооценка какого-то одного фактора, например перспектив развития НИОКР в области космоса или неядерного высокоточного оружия, способов его использования, отражается на качестве внешней политики, дипломатии.

Для принятия качественных военно-политических решений нужен очень высокий экспертный потенциал, способный к стратегическому прогнозу, планированию и оценке текущих действий. Причем этот потенциал не может концентрироваться только в одном ведомстве, будь то Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба, Служба внешней разведки (СВР), Академия наук либо Администрация или Аппарат Правительства. Нужен единый орган, куда

входили бы и представители министерств, и науки, и промышленности. Его рекомендации должны быть решающими аргументами как для ведения переговоров, так и для военного строительства.

Проблема четвертая: развитие национальных институтов социального потенциала.

Развитие НЧК и его институтов определяется множеством невоенных факторов: «подготовки элиты» и «развития институтов гражданского общества», «воспитания», «образования», «культуры» и «искусства». Речь идет о совершенствовании существующих, создании и развитии новых институтов НЧК – от РАН до ведомственных институтов, инженерных обществ, патриотических организаций, союзов и пр. К сожалению, когда говорят сегодня о развитии таких институтов, дискуссия и принимаемые решения сводятся только к политическим институтам и некоммерческим организациям.

На деле же ситуация должна быть иной: необходимо развивать и создавать такие институты, которые могут создавать, развивать и реализовывать НЧК. В том числе и в ОПК, и в ВКО. Пока что на протяжении десятков лет мы наблюдаем обратное: такого рода институты уничтожаются, деградируют, а новые создаются крайне редко.

Между тем главное сегодня – это стимулировать творческий потенциал нации, максимально полно его реализовать. Для этого нужны общественные организации, СМИ, фонды, финансовые и общественно-политические инструменты. Мы, очевидно, отстаем в этой области от развитых стран, где «креативный класс» производит уже основную часть прироста ВВП и является главной движущей силой развития науки, культуры, технологий.

Нередко развитие институтов социального потенциала имеет приоритетное значение. Суть проблемы заключается в том, что НЧК может быть эффективно использован только через его социальные институты, которые являются инструментами реализации НЧК⁹. В России, как известно, попытки внешнего влияния на политическую элиту встречают негативную реакцию. Тем не менее, например, в России существует организация, которая называется Московская школа политических исследований (МШПИ). С 1992 г. она занимается «гражданским просвещением региональных лидеров». Согласно отчету за 2009-й, на тот момент было проведено 1600 семинаров, в которых приняли участие более 8000 человек. Более 70 выпускников стали членами российского парламента, более 200 воспитанников школы были избраны в региональные, городские и районные органы власти. В списке влиятельных выпускников школы фигурируют несколько заместителей министров Правительства страны, несколько десятков губернаторов, вице-губернаторов, мэров городов и глав региональных законодательных собраний. Сам Джордж Сорос «впечатлен непрерывными усилиями школы по продвижению основ демократии», с гордостью сообщает на сайте организации¹⁰.

Надо отчетливо понимать, что роль таких институтов может стремительно возрастать, а их влияние становится решающим. В том числе и на военную политику. Если в обществе под влиянием чужих институтов сложится ошибочная система ценностей и представлений о национальных интересах, как это было в СССР и России в 80-е и 90-е гг. XX в., то никакие достижения ОПК и ВКО не помогут. Да их и не будет. Сначала на общественном, а затем на политическом уровне возобладают ложные идеи и концепции, которые не просто девальвируют понятие государственного суверенитета, но и разрушат основы самостоятельности такой страны в международных отношениях.

ВКО и «мягкая сила»

В последние годы очевиден рост влияния факторов «мягкой силы» (soft power) во внешней и внутренней политике государств. «Арабская весна» (а до этого – Ирак, Афганистан и Югославия) – пример того, как инструменты «мягкой силы» действовали в международных отношениях. Многие аналитики готовы преувеличивать ее влияние на мировую политику. Но нельзя забывать о том, что эффективность «мягкой силы» обеспечивается военно-политическими возможностями использования «жесткой силы» в прямой (военной) или косвенной (политической) форме. Более того, можно утверждать, что никакой эффективной «мягкой силы» не было бы вообще, если бы она не подкреплялась политическими, дипломатическими и военными возможностями государства (речь не идет, конечно, о большинстве государств, для которых нормальное информационно-культурное влияние не превращается в культурно-информационно-силовое).

Взаимосвязь между «мягкой силой» и другими силовыми инструментами внешней политики очень тесная, но далеко не всегда очевидная. Так, принятие Конгрессом США «закона Магнитского» было своего рода не только ответом США на активизацию внешней политики России, но и попыткой мобилизации общественного мнения страны в поддержку новых военно-экономических программ, в том числе в области СЯС и ПРО. Одновременно это также жест поддержки российской оппозиции, которая всегда выступает против увеличения оборонных расходов страны вообще и на ВКО в частности¹¹. В этом контексте отчетливо видны следы информационно-психологической войны против России с сильным привкусом русофобии, которую нередко «не замечают» отечественные либералы. Это позволяет им, например, легко возвращаться к излюбленной теме «милитаризации России, проводимой режимом В.В. Путина». Еще более неприятно, справедливо отмечает В. Юртаев, что многие талантливые соотечественники добровольно становятся проводниками русофобии на своей же Родине¹², противопоставляют творческую часть нации (ее НЧК) «консервативной».

Сказанное имеет прямое отношение к ВКО, ибо создание сильных позиций (а тем более превосходства) дает возможность эффективного использования Россией «мягкой силы», а когда этого становится недостаточно, то и политического давления и, наконец, прямого применения военной силы. Логическая цепочка такова: использование «мягкой силы» предпочтительно, но, когда этого недостаточно, наступает очередь давления (которое тем эффективнее, чем эффективнее военная сила) и наконец – использование военной силы.

Эта последняя форма «влияния» – «жесткая сила» (hard power) – сегодня во многом превратилась в применение высокоточных воздушно-космических средств ведения военных действий. Пример – проведенная Израилем военная операция «Облачный столб» и «Железный купол» в ноябре 2012 г. Она характерна как сценарий возможной будущей войны, где основные средства нападения и защиты – высокоточные неядерные вооружения.

Влияние этих, казалось бы, косвенных факторов НЧК и «мягкой силы» нельзя недооценивать. Ибо именно они формируют политический контекст развития ОПК, определяют степень и характер внешней угрозы и варианты ее нейтрализации. Так, во многом именно благодаря сознательному воздействию «рыночной идеологии» на протяжении многих лет в России разваливались фундаментальная наука и образование страны. Особо разрушительной такая политика оказалась для гуманитарной области, в которой формируются идеи, образы, концепты и представления. Как признают ведущие российские ученые и специалисты в области образования, «из сферы общественного сознания постепенно, но последовательно вытесняется представление о культурообразующей роли гуманитарного знания»¹³. Неслучайно, например, что в 2012 г. на гуманитарные науки было выделено только 10% всех грантовых средств Минобрнауки РФ.

Такое отношение, естественно, не могло не сказаться на общем уровне гуманитарных знаний, включая военную науку и связанные с ней дисциплины. По сути дела, была разрушена система подготовки и обоснования военно-политических решений, что, конечно, не могло не отразиться на их качестве. Не только институты РАН и Министерства обороны, но и государственные университеты свернули подготовку кадров и исследования по этой тематике. Соответственно и уровень дискуссий в СМИ упал до предельно низкой отметки, когда «экспертами» стали выступать лица, не компетентные в военно-политической проблематике.

Между тем информационные возможности воздействия на аудиторию у США и их союзников постоянно возрастали. В особенности с появлением и распространением электронных СМИ и Интернета. Сегодня около 44% всех интернет-пользователей мира приходится на Азию, в Европе проживали порядка 23% пользователей, в США – 13%, а каждый десятый интернет-пользователь был жителем Латинской Америки. Сегодня в

■ Воздушно-космическая оборона

мире насчитывается свыше четырех миллиардов цифровых телекоммуникационных устройств, к которым подключено более 1,6 млрд пользователей. В этих условиях с Интернетом объективно связывается, с одной стороны, формирование и диверсификация многих социальных процессов. С другой стороны, особую актуальность приобретает собственно регулирование отношений в области Интернета, против чего категорически выступают США¹⁴.

Как следствие, общественное мнение в России оказалось чрезвычайно уязвимым не только для дезинформации и прямого обмана, но и в итоге для принятия военно-политических решений. Тезисы о России, как «Верхней Вольте с ракетами», «Континентальной державе, которой не нужен ВМФ», готовности «допустить расширение НАТО до Москвы» и т.д. не просто прочно вошли в обиход СМИ, но и часто звучали с трибун Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства. Здесь справедливо звучат слова известного французского эксперта, профессора, генерала в отставке Жана-Бернара Пинателя: «Опытные политологи, которые основываются в своих размышлениях исключительно на фактах, избавляясь от идеологических установок и предвзятого отношения, могут предвидеть значительные изменения в системе международных отношений еще задолго до того, как они проявятся на деле»¹⁵. И наоборот. Идеологизированные либеральные политики формировали (и, к сожалению, продолжают формировать) общественное мнение в России сознательно, не основываясь на фактах. Влияние этого мнения сказалось и на высшем политическом руководстве страны, которое многие годы проводило разрушительную внешнюю и военную политику, издержки и влияние которой ощущаются и сегодня.

Заключение

Таким образом, развитие ОПК и ВКО невозможно выделить из общего потока формирования НЧК и его институтов, а также взаимосвязанности этих процессов как в мире в целом, так и в России. Влияние развития НЧК в отдельных государствах, безусловно, сказывается на их ОПК и военно-техническом сотрудничестве. В послевоенные годы, например, когда усилия СССР были сконцентрированы на реализации двух суперпроектов – создании носителей ядерных боезарядов (С.П. Королев) и производстве ядерных боеприпасов (И.С. Курчатов), – казалось возможным вычленив ОПК из всего комплекса НЧК, но сегодня такая автономность ОПК уже невозможна – слишком сильно воздействие НЧК, определяемое в том числе и сугубо «гражданскими» факторами. Тем более если речь идет об интеграционных – политических и военных – процессах и военно-техническом сотрудничестве. Это же означает, что успешное развитие ВТС, в частности, в области ВКО возможно только при наличии программ развития НЧК и его институтов.

Между тем в мире идут не только процессы глобализации, но и обостряются региональные конфликты, численность и интенсивность которых уже превышает показатели XX в. Существует несколько тенденций, которые ведут к нарастанию военно-политического противоборства в Евразии. Эксперты по-разному их оценивают, не отрицая, однако, их общей направленности. Так, ряд экспертов Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) отмечали в декабре 2012 г.: «...это и общий курс на ренационализацию международных отношений, дестабилизация огромных регионов мира, в первую очередь «расширенного Ближнего Востока», обострение борьбы за ресурсы и территории, углубление вакуума безопасности от Ближнего и Среднего Востока до Восточной Азии. Усугубление соперничества в этих регионах, вероятно, приведет к росту там конфликтности. Большая война или серия войн на Ближнем Востоке более чем возможны.

Медленно, но верно милитаризируется соперничество между двумя ведущими державами мира – США и КНР. Слабость Северной Кореи, которая рассматривает ядерное оружие в качестве единственного средства самозащиты, повышает опасность конфликта вокруг нее. Во все более сложной ситуации Япония, где по вполне понятным причинам все громче звучат голоса сторонников обретения ядерного статуса.

Наконец, опровергается и тезис о том, что с помощью применения вооруженных сил невозможно добиться политических целей. Хотя кампании в Ираке и Афганистане закончились поражениями инициаторов вторжений, в Югославии и Ливии Запад добился желаемого.

В наибольшей степени на ренессанс военной силы работает общая дестабилизация международных отношений, прогрессирующее ослабление институтов международного, надгосударственного управления, эрозия международного права, постановка под вопрос принципа суверенитета и территориальной целостности»¹⁶.

В этой связи обращает на себя внимание мысль Ж.-Б. Пинателя, чье авторитетное мнение, безусловно, заслуживает внимания: «...позиция Вашингтона в отношении России объясняется стратегическими представлениями американцев, основанными на геополитической теории. Как рассуждали создатели этого учения, поддержание напряженности с Москвой делает невозможным создание стратегического альянса между Европой и Россией. Подобная связка поставила бы под угрозу игру в «противника-партнера» с Китаем, став сама стратегическим игроком, обладающим равной, а то и превосходящей мощью»¹⁷.

Сотрудничество в области ВКО, безусловно, сможет стать политической и военно-технической основой не только для развития ВТС России в Азии, но и мощным толчком для экономического сотрудничества со странами региона, которое, в свою очередь, может привести к ускорению развития восточных регионов России. Причем не только к созданию транспортных коридоров и освоения сы-

рьевых ресурсов, но и новой волне научно-технического сотрудничества и новой индустриализации восточных регионов страны. Это объективно будет противодействовать политике США по отношению к Китаю, которая ведет к созданию «двухполюсного» мира и разделу Евразии между этими странами. «Китай стал основным «противником-партнером» США, – отмечает Пинатель. – Роль же России в восприятии американских стратегов ограничивается положением регионального возмутителя спокойствия, оправдывающего существование НАТО»¹⁸.

С точки зрения военно-стратегической США считают, что проблема безопасности в АТР становится для них задачей номер один. Новая американская стратегия исходит из необходимости продолжения наращивания в этом регионе военных расходов (с 2000 по 2011 г. они выросли с 300 млрд долл. до 700 млрд долл.), но оптимизирует их в зависимости от приоритетов. Прежде всего в области ВКО. По оценке экспертов МГИМО(У), «предполагается сосредоточение усилий на кибервойне и использовании беспилотных

летательных аппаратов (БЛА). США сократят свой ядерный арсенал, а также пересмотрят свою роль в стратегии обороны в целом», сделают его более эффективным и «используемым» инструментом внешней политики. В этих условиях создание ЕвразВКО становится объективно необходимым не только для государств-членов СНГ и ОДКБ, но и других евразийских государств.

Salyukov D.O. The main problems of interrelations' mutual conditionality of the national human capital, defense industry complex and aerospace defense.

Summary: The article gives the review and highlights the importance of the system consisting of such broad and key concepts for the government, as the national human capital, defense industry complex and aerospace defense. The article also gives the analysis of the correlation of elements of this system and their unconditional necessity in the modern state as obligatory attributes of safety of the country in the modern world. The problems of the system and the influence of "soft forces" are exemplified by the current situation in the Russia Federation.

Ключевые слова

воздушно-космическая оборона, национальный человеческий капитал, оборонно-промышленный комплекс, «мягкая сила», модернизация.

Keywords

aerospace defense, national human capital, defense industry complex, "soft power", modernization.

Примечания

1. Лавров С.В. Пресс-конференция, посвященная итогам 2012 года. Цит. по: Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / <http://topwar.ru>
2. Подберезкин А.И. Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества. Т. I. Кн. 2. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2012.
3. Подберезкин А.И. Креативный класс и идеология русского социализма. Т. 3. Кн. 3. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011.
4. Бжезинский З. Россия не развивается, Путин неэффективен. 21 января 2013 / <https://mail.google.com/mail/u/0/?shva=1#inbox>
5. Караваев А.В. Оборонная Россия: станут ли мечты реальностью? // Независимая газета. 29.01.2013.
6. Александров И. 328 миллиардов на науку // Российская газета. 2012. 1 ноября. С. 3.
7. Примаков Е.М. Россия-2012: вызовы и проблемы // Независимая газета. 16.01.2013.
8. Куликов С. Экономика России катится к стагнации // Независимая газета. 2012. 1 ноября. С. 4.
9. См. подробнее: Подберезкин А.И. Социальные институты реализации НЧК / Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011. Т. 3. Кн. 2.
10. Чайковский А. НАТО уже в Ульяновске? / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 123.
11. Крашенинникова В. Двойной удар по России // Российская газета. 2012. 11 декабря. С. 8.
12. Юртаев В. Об уникальной живучести русофобии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / <http://topwar.ru>
13. Савицкая Н. Роковая ошибка министерства // Независимая газета. 2012. 4 декабря. С. 8.
14. Касенова М. Глобальное управление Интернетом в контексте современного международного права. Индекс безопасности. 2013. Весна. № 1 (104). Т. 19. С. 43.
15. Пинатель Ж.-Б. Россия – Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С.21.
16. Россия в мире силы XXI века – силы денег, оружия, идей, образов / Тезисы к конференции СВОП. 1–2 декабря 2012 г. С. 5.
17. Пинатель Ж.-Б. Указ. раб. С. 113–114.
18. Там же. С. 98.
19. Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР. Аналитическая записка. М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 22.